

Л.М. Лопатин

**Неотложные задачи
современной мысли**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Л11

Л11 **Л.М. Лопатин**
Неотложные задачи современной мысли / Л.М. Лопатин – М.: Книга по Тре-
бованию, 2026. – 85 с.

ISBN 978-5-458-54521-1

ISBN 978-5-458-54521-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Неотложныя задачи современной мысли.

I.

Уже давно чувствовалось и многими было указано, что философская мысль въ современной Европѣ переживаетъ болѣзненный и длительный внутренній кризисъ, и что она нуждается въ коренномъ пересмотрѣ своихъ общихъ проблемъ и въ радикальной переоцѣнкѣ началъ и понятій, отъ которыхъ она отправляется въ своихъ построенияхъ. Однако до сихъ поръ это сознавалось лишь какъ теоретическая потребность. Только въ наши дни потребность въ такомъ пересмотрѣ и такой переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей мысли и жизни превратилась въ настоящую, жгучую и неотложную необходимость. Чѣмъ бы ни кончилась переживаемая нами грозная и кровавая борьба народовъ, послѣ ея завершенія мы уже не будемъ смотрѣть на жизнь, на міръ, на чело-вѣческую исторію и на наше собственное будущее тѣми глазами, какими смотрѣли на нихъ раньше. Каковы бы ни были внѣшнія послѣдствія великой войны, ея внутреннее и притомъ очень печальное значеніе уже успѣло раскрыться: она представляетъ великое крушеніе европейской культуры во всемъ томъ, что составляло, казалось, ея наиболѣе прочныя и драгоценныя приобрѣтенія и цѣнности; и, что еще изумительнѣе, это крушеніе послѣдовало прежде всего среди тѣхъ народовъ, которые въ служеніи культурѣ видѣли весь смыслъ своего существованія. Кроважадное одичаніе, варварское звѣрство, сознательная безчестность и беспощадность въ выборѣ средствъ истребленія, грубое попраніе всѣхъ

принциповъ человѣчности и права,—вотъ тѣ новости, которыя принесла растерявшемуся человѣчеству внезапно грянувшая всемірная война.

Неизбѣжнымъ результатомъ такой войны должно явиться полное измѣненіе самочувствія въ современномъ человѣкѣ. Вѣдь, мы серьезно думали, что стоимъ у свѣтлаго завершенія историческаго процесса, что его страдная пора уже миновала и ея кровавый трагизмъ разсѣялся,—что осталось сдѣлать немного шаговъ, и водворится лучезарное и непоколебимое царство правды, разума, свободы, мира и безмятежнаго всечеловѣческаго счастья. Можно ли такъ смотрѣть сейчасъ? Готово ли человѣчество къ земному раю и что ему для этого дала современная культура? Я не хочу впадать въ преувеличенный пессимизмъ. Вѣдь и современная война, какъ все человѣческое, имѣетъ два лица и два аспекта. Если въ ней съ небывалой интенсивностью сказалась человѣческая злоба, циническая жадность, безсердечная жестокость, то съ другой стороны, она наполнила міръ такими свѣтлыми подвигами самоотверженія, скромнаго самопожертвованія, великодушнаго мужества, которые тоже, казалось, отошли въ далекое прошлое и среди насъ уже стали невозможны. Но вотъ что важно и интересно: гдѣ чаще встрѣчаются примѣры такого высшаго и человѣчнаго героизма, — среди признанныхъ носителей современной европейской культуры, или среди тѣхъ націй, которыя не заявляли или даже вовсе и не имѣли поводовъ заявлять какія-нибудь претензіи на культурное руководство остальнымъ человѣчествомъ? Конечно, сейчасъ судить трудно; но все-же представляется, что-когда и кончится война, и когда мы полнѣе ознакомимся съ отдѣльными фактами, не поколеблется тотъ общій выводъ, который мучительно продиктованъ человѣчеству ходомъ событій за послѣдніе годы: самый культурный народъ на землѣ, по его собственной самооцѣнкѣ, и во всякомъ случаѣ одинъ изъ наиболѣе культурныхъ и съ точки зрѣнія совершенно объективной исторической оцѣнки, сумѣлъ соче-

тать несомнѣнные проявленія фанатическаго самопожертвованія и безпощаднаго патріотизма съ самой высокой ступенью безстыдства, низости и безчеловѣчной жестокости, какъ въ приѣмахъ веденія военныхъ дѣйствій, такъ и въ своей внѣшней политикѣ. Патріотическій фанатизмъ не есть что-нибудь новое въ людяхъ,—это одно изъ самыхъ элементарныхъ и прочныхъ наслѣдій прошлой исторіи. Но явное и сознательное отреченіе отъ всего, чѣмъ христіанство въ теченіе многихъ вѣковъ старалось смягчить дикое варварство первобытной войны,—отреченіе во имя тупого и практически безсмысленнаго принципа: война—такъ война!—есть въ современномъ человѣчествѣ нѣчто въ самомъ дѣлѣ новое и всѣмъ неожиданное. Раньше этотъ принципъ, конечно, неоднократно высказывался и проводился въ жизнь отдѣльными лицами, выражая ихъ индивидуальное кровожадное настроеніе; но онъ въ первый разъ превратился въ непоколебимое убѣжденіе огромной націи, украшенной всѣми преимуществами умственнаго образованія и матеріальной культурности. Это дѣйствительно есть, — историческая *новость* притомъ богатая самыми скорбными послѣдствіями для будущаго: она воочію, съ неотразимою ясностью показываетъ, какъ легко смывается съ современныхъ людей поверхностный налетъ высшихъ требованій человѣколюбія и гуманности, которыя казались такимъ устойчивымъ приобрѣтеніемъ современнаго сознанія. Показываетъ она, пожалуй, и нѣчто худшее: что этого налета и теперь уже нѣтъ, или его почти нѣтъ,—если съ нимъ такъ легко распрощался громадный, очень просвѣщенный народъ съ колоссальнымъ и христіанскимъ историческимъ прошлымъ, когда онъ, ничѣмъ не нуждаемый, свободно вступалъ на избранный имъ катастрофическій путь. Это очень грозный урокъ исторіи и очень грозное предостереженіе.

Этимъ прежде всего въ корнѣ колеблется взглядъ, который пользовался большой популярностью: что объ основахъ высшихъ гуманныхъ требованій намъ можно теперь уже не

заботиться, что они обратились во вторую натуру современнаго человѣка или готовы въ нее обратиться, что онъ съ ними рождается, въ нихъ воспитывается и съ ними неизбѣжно считается, какъ бы при этомъ онъ ни думалъ, къ чему бы ни стремился и во что бы ни вѣрилъ. Если бы это въ самомъ дѣлѣ было такъ, если бы люди уже органически достигли высшаго моральнаго уровня, наше будущее, разумѣется, было бы прочно обезпечено. Чего бы не достигло такое *органически доброе* человѣчество, при его современномъ огромномъ могуществѣ надъ природой, при колоссальномъ и непрерывномъ ростѣ современной техники, при все болѣе ослѣпительныхъ новыхъ открытіяхъ современной науки? Но допустимъ только, что такой органической добродѣтели въ человѣчествѣ пока еще нѣтъ,—а, можетъ быть, ея и никогда не будетъ,—что въ человѣкѣ по прежнему сталкиваются и борются противоположныя силы и стремленія, каждое изъ которыхъ, всецѣло овладѣвъ его волею, приобрѣтаетъ въ немъ настоящую внутреннюю безмѣрность, и что такое одолѣніе стремленіями не само собою совершается, а зависитъ отъ самого человѣка и прежде всего отъ того, чего онъ вообще ищетъ въ жизни и какъ понимаетъ жизнь,—и тогда картина будущаго неизбежно становится загадочною и даже жуткою. Вѣдь тогда въ будущемъ открыты всякія возможности; тогда все будетъ зависѣть отъ того, какими будутъ люди и какими будутъ народы. Предположимъ, что безчеловѣчіе, злоба, жестокость, грубость, моральная безпринципность, не только не уменьшатся, но разрастутся,—въ какое страшное орудіе взаимнаго истребленія и уничтоженія всего лучшаго, что создали люди раньше, обратятся чудеса будущей техники и открытія будущей науки?

Между тѣмъ какое основаніе думать, что въ идущихъ за нами поколѣніяхъ непременно побѣдитъ добро? Конечно, терять надежды никогда не слѣдуетъ, но все же нельзя закрывать глаза и на то, что современность въ этомъ случаѣ скорѣе даетъ противопоказаніе. Несмотря на могучій ростъ

техники, науки и просвѣщенія за послѣднія 40-50 лѣтъ, нравственный уровень человѣчества едва ли поднялся противъ прежняго, скорѣе онъ рѣзко упалъ. Постепенное огрубѣніе и въ области мысли, и въ области чувствъ, и въ области жизненныхъ идеаловъ облекалось въ самыя разнообразныя формы и замѣчалось уже давно. Но обо всемъ этомъ еще можно было спорить. Великій опытъ разразившейся войны съ ея безпросвѣтнымъ кровавымъ кошмаромъ едва ли оставляетъ мѣсто для какихъ-нибудь сомнѣній. Я говорю здѣсь не только о лютомъ патріотизмѣ Германцевъ: вѣдь съ другой стороны, когда, напр., была возможна такая безумная вакханалія обмана, грабежа и всяческаго предательства, какая происходитъ кругомъ насъ?

И отдѣльные люди, и цѣлые народы живутъ и дѣйствуютъ сообразно съ тѣмъ, какъ они думаютъ, во что вѣрятъ и къ чему стремятся. Этимъ, по крайней мѣрѣ, опредѣляется самое основное въ ихъ жизни и дѣятельности,—этимъ диктуется общій смыслъ ихъ существованія и коренной тонъ ихъ внутренняго самочувствія. Объ этихъ истинахъ часто и охотно забывали, но о нихъ съ убѣдительною наглядностью напомнили переживаемыя нами кровавыя испытанія. Нѣтъ культуры *самой въ себѣ*, которая дѣлала бы святымъ всякое зло, совершаемое во имя ея, и нѣтъ отвлеченныхъ *цѣнностей въ себѣ*, которыя замкнуты въ какомъ-то потустороннемъ мірѣ абстрактныхъ возможностей,—которыя никакъ не соприкасаются и не имѣютъ ничего общаго съ реальнымъ смысломъ міра и жизни, и которыя, съ другой стороны, нисколько не зависятъ отъ исканій человѣческой мысли и настроеній человѣческой воли. Это не реальности, это даже не идеи,—это словесныя знамена и лозунги, которыми потерявшій всѣ дѣйствительныя духовныя цѣнности человѣкъ ублажаетъ себя въ своемъ культурномъ самодовольствѣ, полагая, что въ нихъ онъ имѣетъ нѣчто неизмѣримо болѣе возвышенное, утонченно трансцендентальное, а главное критически научное, нежели въ отжитыхъ и наивныхъ пред-

ставленіяхъ о Богѣ, о грѣхѣ и правдѣ, о любви, какъ истинномъ двигателѣ всего живого, и о безконечной цѣнности человѣческой души. Нѣмецкія словесныя изобрѣтенія и словесныя знамена послѣднихъ десятилѣтій могли вносить маленькое украшеніе въ будничную регулярную жизнь,—особенно, когда объ этой жизни были увѣрены, что она идетъ настоящимъ и нормальнымъ ходомъ и отвѣчаетъ самымъ изысканнымъ требованіямъ идеальной оцѣнки. Но что съ ними дѣлать въ эпоху катастрофическую, когда всѣ признанныя оцѣнки поколебались и когда передъ потрясеннымъ человечествомъ неотступно стали вопросы о наиболѣе существенныхъ для него реальностяхъ: о его собственномъ будущемъ, о дѣйствительномъ смыслѣ человѣческой исторіи, о реальномъ смыслѣ человѣческаго существованія вообще, а черезъ это и о коренныхъ и дѣйствительныхъ двигателяхъ міровой жизни? Чему здѣсь поможетъ самая утонченная схоластика громкихъ, но туманныхъ словъ?

Сейчасъ указанные вопросы всегда безпокоили мысль человѣка,—всѣ религіозныя и философскія системы выросли изъ ихъ посильнаго рѣшенія. Однако далеко не всегда въ равной степени чувствуется ихъ серьезность. И отдѣльные люди, и цѣлыя эпохи иногда отъ нихъ упорно отворачиваются. Въ исторіи человѣческой мысли и человѣческихъ настроеній замѣчается огромное колебаніе въ подъемѣ и паденіи жизненнаго значенія этихъ вѣковѣчныхъ проблемъ. Когда это значеніе падаетъ, люди охотно отмахиваются отъ нихъ, убѣжденно утверждая, что ихъ нельзя рѣшить (обыкновенно и философы въ подобные историческіе періоды доказываютъ то же самое)—въ дѣйствительности ихъ и не хотятъ рѣшать. И причина тому простая: на самомъ дѣлѣ, они уже оказываются рѣшенными,—только въ узкомъ и поверхностномъ масштабѣ. Въ этомъ случаѣ страшно много зависитъ отъ настроенія. Представимъ себѣ человѣка счастливаго, который доволенъ и собой и другими, который одинаково увѣренъ и въ прошломъ, и въ будущемъ, который

непоколебимо убѣжденъ, что онъ и до сихъ поръ все дѣлать, какъ надо, и въ будущемъ все будетъ дѣлать, какъ надо, и что выйдетъ изъ этого опять-таки все, какъ надо. Развѣ его жизнь не получаетъ для него полный и законченный смыслъ? И зачѣмъ ему еще спрашивать о какомъ-то высшемъ, вѣковѣчномъ смыслѣ жизни? Зачѣмъ ему вопросы о Богѣ, о душѣ, о свободѣ или несвободѣ воли, о конечной цѣли существованія,—вѣдь они и трудны, и непонятны, и мучительны, если ими серьезно увлечься, а главное, они такому человѣку вовсе не нужны, они только могутъ помѣшать ему бороться за счастье, дѣйствовать, упиваться красотой жизни. И вѣдь такъ могутъ чувствовать себя не только отдѣльные лица, бываютъ періоды, когда такъ чувствуютъ себя огромныя общества. И что особенно важно,—въ значительной мѣрѣ такъ чувствовало себя все европейское человечество послѣднихъ столѣтій. Само собой понятно, что въ такой субъективной игрѣ самочувствій и самооцѣнокъ возможны всякія варіаціи: можно, на примѣръ, быть очень недовольнымъ своимъ прошлымъ, но за то тѣмъ крѣпче вѣрить въ ближайшее будущее и въ свое могущество надъ нимъ. Существенно то, что въ изображаемыхъ случаяхъ смыслъ жизни полагается въ близкомъ, всегда доступномъ, эмпирически наличномъ или готовомъ получить наличность.

Но вообразимъ того же счастливаго человѣка, о которомъ мы сейчасъ говорили, переживающимъ полное разочарованіе и трагическое крушеніе всѣхъ своихъ надеждъ. Будущее непоправимо обмануло всѣ его ожиданія, онъ серьезно извѣрился и въ своемъ прошломъ. Его ближніе оказались мелкими и злыми негодьями, да и въ самомъ себѣ онъ испуганно замѣтилъ явныя черты некрасиваго негодяйства. Вѣдь это довольно обычная житейская исторія. Что произойдетъ съ внутреннимъ міромъ такого человѣка? Что ему дѣлать и какъ ему жить въ обступившемъ его непробудномъ мракѣ? Неужели въ этомъ одномъ весь смыслъ его жизни, да и какой же это смыслъ? Или есть въ жизни и еще что-то, о

чемъ онъ не думаль, чего онъ не зналь, и это что-то и есть единственно настоящее въ ней? Очевидно, такому человѣку только два выхода: или полное паденіе духа, отчаяніе, быть можетъ, самоубійство,—или онъ долженъ стать другимъ и взглянуть на міръ совсѣмъ другими глазами. Такъ бываетъ съ отдѣльными людьми. Но не стоитъ ли иногда подобная альтернатива и предъ цѣлыми народами, эпохами, быть-можетъ, человѣчествомъ?

Одною изъ наиболѣе характерныхъ особенностей современнаго европейскаго міросозерцанія является его *геоцентризмъ*,—не въ астрономическомъ смыслѣ признанія земли за реальный центръ механизма вселенной, а въ моральномъ смыслѣ сосредоточенія всѣхъ человѣческихъ цѣлей на интересахъ и условіяхъ земного существованія. Задачи человѣка развитого и научно образованнаго всѣ на землѣ. Только эмпирически наглядное, чувственно данное намъ понятно, только съ этимъ мы и должны считаться въ нашихъ дѣйствіяхъ и нашихъ планахъ. Начало бытія и его высшая цѣль,—то, откуда все пошло и къ чему оно идетъ,—намъ недоступны и нечего объ этомъ думать. Истинная суть и настоящая реальность вещей *трансцендентны* для нашего пониманія, будемъ же искать удовлетворенія на ихъ феноменальной поверхности. Таковы почти общепринятые догматы современныхъ мыслящихъ людей, хотя формулы, въ которыхъ выражаются эти догматы, очень различаются между собой. Такіе взгляды возникли не случайно, съ основаніемъ можно доказывать, что они явились необходимымъ, а во многихъ отношеніяхъ и плодотворнымъ продуктомъ предшествующихъ историческихъ условій,—но въ настоящее время насъ интересуеетъ не ихъ историческая необходимость, а ихъ цѣнность по существу. Въ такой принципиальной оцѣнкѣ предпосылокъ *геоцентризма* въ морали теперь болѣе настоящая нужда, чѣмъ когда-нибудь. Дѣло въ томъ, что въ тѣснѣйшей связи съ новыми моральными теченіями, послѣдовало страшное паденіе христіанскаго нравственнаго

идеала и вообще серьезнаго сознанія обязательности высшихъ гуманныхъ требованій. Это едва ли должно казаться страннымъ: какъ говорить объ абсолютномъ долгѣ, который мы обязаны выполнить, какъ бы ни протестовали противъ его требованій наши наклонности и вкусы, когда въ жизни ничего абсолютнаго нѣтъ и когда ничего абсолютнаго мы никогда понять не можемъ? И если даже по какимъ-нибудь соображеніямъ мы понятіе абсолютнаго долга сохранимъ, почему наша абсолютно обязательная нравственная дѣятельность должна непременно подчиняться христіанскимъ заповѣдямъ всечеловѣческой любви и безконечной цѣнности человѣческой души, а также увѣреніямъ гуманитарной этики, что человѣкъ всегда есть цѣль въ себѣ и поэтому никогда не можетъ быть обращаемъ только въ средство? Что мы знаемъ о душѣ и почему мы во всѣхъ другихъ людяхъ должны видѣть равноправныя *цѣли въ себѣ*, когда они принадлежатъ къ различнымъ народностямъ, разнымъ общественнымъ классамъ, разнымъ государствамъ? Неужели даже и на землѣ нѣтъ ничего дороже и выше ничтожной и случайной человѣческой индивидуальности? Эти недоумѣнія вполне естественны и въ то же время совершенно ясно, что ихъ нельзя разрѣшить на почвѣ только моральныхъ соображеній: они продиктованы цѣлымъ міросозерцаніемъ,—у нихъ совершенно опредѣленная теоретическая основа. Поэтому дѣйствительную оцѣнку современныхъ моральныхъ критеріевъ можно получить лишь въ результатѣ кореннаго пересмотра основныхъ предположеній господствующаго научно-философскаго міросозерцанія.

II.

Современное философское міровоззрѣніе почерпаетъ свое содержаніе изъ двухъ главныхъ источниковъ: изъ положительныхъ наукъ (по преимуществу физическихъ) и изъ современныхъ гносеологическихъ теорій. Изъ науки оно беретъ

ея обобщенія, выводы, гипотезы, допущенія, даже методологическія фикціи ¹⁾). Изъ гносеологическихъ теорій (все равно, позитивнаго или неокантіанскаго типа) оно обосновываетъ и оправдываетъ убѣжденіе, что только въ наукѣ и прежде всего въ естествознаніи содержится теоретическая истина. Мы должны признавать только природу и ея законы, процессы и силы, которые установила и изучила опытная наука. Все другое должно быть отвергнуто,—просто потому, что оно *ненаучно*. Намъ не возбраняется, если угодно, мечтать и грезить о разныхъ возвышенныхъ предметахъ за предѣлами чувственно-наблюдаемаго міра, а, пожалуй, и субъективно вѣрить въ нихъ. Но если мы люди просвѣщенные, мы обязаны твердо помнить, что это лишь наши грезы и мечты, и никакъ не дѣлать изъ нихъ общеобязательныхъ истинъ.

По этому поводу у представителей современныхъ философскихъ взглядовъ вообще нельзя не отмѣтить своеобразнаго отношенія къ умозрительно-философскимъ и религіознымъ идеямъ. Обыкновенно ихъ не отрицаютъ категорически,—это даже считается признакомъ дурнаго тона и нѣкоторой философской наивности,—въ нихъ даже дозволяется немножко про себя вѣрить. Но къ нимъ запрещается относиться какъ къ серьезнымъ проблемамъ мысли и объективнаго пониманія. Въ этомъ смыслѣ къ нимъ очень широко примѣняется *запретительная система*. Эти проблемы не научны, а философія должна прежде всего быть научной. Можетъ-быть, и есть Богъ,—кто это знаетъ?—но мы должны толковать вселенную такъ, какъ будто бы Его не было. Можетъ-быть, и есть душа, но мы все-таки обязаны объяснять душевную жизнь такъ, какъ будто бы не было никакой души. Иначе требованія научности будутъ нарушены. Такое отобраніе у религіозныхъ и умозрительныхъ идей объективнаго

¹⁾ См. объ этомъ мою статью „Научное міровоззрѣніе и философія“ (Вопросы философіи и психологии, кн. 49).